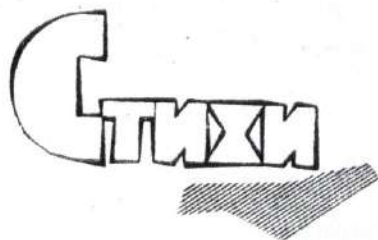

Литературное наследие

ЦИПРИАН НОРВИД

К 80-летию со дня смерти

■
(1821—1883)

Жизненный и творческий путь Циприана Норвида, одного из талантливейших польских поэтов прошлого века, был тернистым и сложным. Большую часть своей полной лишений жизни Норвид провел в эмиграции.

Молодым человеком в 1842 году он навсегда покинул родину. За границей изучал живопись, скульптуру, философию, эстетику, вначале попал под влияние консервативных кругов польской эмиграции, затем познакомился с выдающимися деятелями культуры того времени — Мицкевичем, Словацким, Герценом, Тургеневым и др. В поэзии Норвида преобладали настроения грусти, пассивного недовольства действительностью. Однако в лучших стихотворениях он выразил мечту о независимости Польши, отдал дань уважения борцам за свободу.

Творчество поэта не было по достоинству оценено современниками. В XX веке поэзия Норвида была открыта заново. Вот что пишет о Норвиде крупнейший современный польский писатель Ярослав Ивашкевич, обращаясь к советским читателям:

«Из веры в силу поэтического слова, в его насущную необходимость каждому человеку родилась необычная, но мощная и великая поэзия, создатель которой, пожалуй, менее других известен в Советском Союзе,— поэзия Норвида.

Облик Норвида трогателен и благороден. Его жизнь и творчество, пройдя сквозь суровое испытание одиночества и всеобщего непонимания, выдержали закалку необычайной трудности. С каждым годом поэзия Норвида все крепче срастается с жизнью народа. Самое существенное в польской действительности прошлого века выразилось в творчестве Норвида едва ли не с наибольшей глубиной».

В связи с восьмидесятилетием со дня смерти Циприана Норвида, исполняющимся в этом году, мы публикуем несколько его стихотворений. Более полно читатель сможет ознакомиться с поэзией Ц. Норвида в сборнике «Польская поэзия», который готовится к выпуску в Государственном издательстве Художественной литературы.

Джон Браун

Как дикие орлы в рассветный час
Вдруг просыпаются в тиши зверинца
И, забывая, что должны смириться,
О клетку бьют крылом, разгорячась,
И каждый раз смиряя их замах,
Железо клетки перья им сбивает,
И птицы грустным оком озирают

Кровавые заплаты на крылах
И вспоминают, замерев от боли,
О том, что на земле они — в неволе.

Вот так и вы! Избранники, борцы,
Орлы свободы, росшие в неволе,
Зачинщики, угасшие в подполье,
Младенцы в старцах, старые юнцы,
Что обветшалый времени закон
Усиьем мышц и нервов сокрушают
И словно одержимые решают
Опередить неспешный ход времен,—
Приходите вы в мир не для того ли,
Чтобы понять: вы на земле — в неволе?

И вот как раз не здесь, у нас, а там,
Где сердцу вечно милая свобода
Как будто бы открыта для народа,
Подобная не зданью, а вратам,
Там, в молодой стране, седой старик,
Который по годам ровесник века,
Встал ныне на защиту человека,
У коего с рожденья черный лик,
Воздвигся, как пророк, над временами,
Чтоб жертвовать собою и сынами.

О люди, слушайте, как он, старик,
Беседует, не опуская взора,
С тюремщиком. Ведь на земле не скоро
Столь сдержанный родится бунтовщик.
Не скоро в мир придет такой боец,
Отважный старец, висельник почтенный,
Столь твердый волей, духом неизменный,
Великий вождь и жертвенный отец.
Его простая виселица краше,
Чем выставки диковинные ваши.

Уж скоро судьи пред собой солгут,
Померкнет флаг, где звезд семья мерцала,
И треснет правосудия зеркало,
Когда его на гибель поведут,
И он, сказав: «Аминь», — и не склоня
Суровой головы перед толпою,
Сам оттолкнется от земли стопою,
Как вскакивает всадник на коня.

И станет он пятном на солнце алом.
И станет он пятном в зрачке усталом.
О тени тех прославленных мужей,
О Вашингтонов и Костюшко тени,
Которые явились в дни смятений,
Чтобы твою свободу звать своей,—
Не проклянут ли, глядя с высоты,
Америка, они твое деянье!
На знамя черное, на злодеянье
Укажут их суровые персты.
И скажут толпам бледного народа,
Что с Брауном повешена свобода!

Кроткую песнь не проси...

(Т. Ленартовичу)

Кроткую песнь не проси у поэта,
Замер во мне ее голос.
Если молчу я — не сетуй на это,
Цветом не сделаешь колос.

Я из отверженных этого мира,
Гордость во мне и мятежность.
Даже любовь в моем сердце двукрыла —
В ней и презренье и нежность.

Пусть же сплетает пурпурную пряжу
В сердце жестокая пряжа.
Гордые — и перед господом даже, —
Молча мы терпим, без страха.

Перевод с польского Д. САМОЙЛОВА

Сиротливо

1

Я слышу, что прогресса достижения
Нас делают богаче век от века.
Добро! Но в этом мне, простому человеку,
нет утешенья.

2

Цивилизация! Их вижу две я:
Одна открытья славные пророчит,
Другая же в нарядную ливрею
одеть все хочет.

3

Так, открывательница к солнцу мчится
И поколениям вещает: — Ждите,
Кой-чем смогу и с вами поделиться,
свершив открытья.

4

А прикрывательница? Та иначе
Нас утешает. Видя слезы жгучи,
Она вещает: — Вздор все ваши плачи,
так, дождь из тучи!

5

Двух опекунш таких благодаря урокам
Влачился б род людской в сиротском
состоянье,
Не будь ему земля объятьем доброй няни,
а солнце — ее оком.

Перевод с польского ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА

